

А. И. КУПРИН

Троцкий: характеристика

Помню, пришлось мне в прошлом году, в середине июня, заночевать у одного знакомого на Аптекарском острове. Была полоса белых петербургских ночей, в которые, кажется, никому не спится. В бессонном томлении бродил я по большому кабинету, где мне было постлано, перебирал заглавия книг на полках, разглядывал фотографии на стенах.

Большой поясной портрет Троцкого привлек мое внимание. Около него была укреплена на стенном подвижном кронштейне электрическая лампочка с боковым рефлектором. Я зажег ее и стал долго и пристально всматриваться в это лицо, в котором так странно и противоречиво совмещены крайняя расовая типичность с необыкновенно резко выраженной индивидуальностью.

Я и раньше много раз видал мимоходом этот портрет в окнах эстампных магазинов, и каждый раз он оставлял во мне на некоторое время летучее, смутное, почти бессознательное чувство раздражения и неловкости, какое бывает у каждого, кто на людной улице увидел на мгновение, машинально, что-нибудь отталкивающее и тотчас же позабыл о нем, но через несколько секунд нашел внутри себя беспричинный осадок недовольства и спрашивает свою память: «Что это со мною только что случилось? Откуда во мне эта беспокойная тревога? Ах, да! Портрет!»

Но в ту ночь у меня было много времени. Я глядел неотрывно в это лицо, стараясь вникнуть, как бы войти в него и представить себе: *что* может думать и ощущать этот человек? Широкий, нависший лоб с выдвинутым вперед верхом и над ним путаное,

высоко вздыбленное руно, глаза из-под стекол злобно скошены; брови сатанически вздернуты кверху, и между ними из глубокой впадины решительной прямой и высокой чертой выступает нос, который на самом конце загибается резким крючком, как клювы птиц-стервятников; ноздри расширены, круто вырезаны и открыты; энергичные губы так плотно сжаты, что под ними угадываешь стиснутые челюсти и напряженные скулы; широкий, сильный, но не длинный подбородок; острая тонкая бородка дополняет мефистофельский характер лица. Но самое главное — это какое-то трудноописуемое выражение в рисунке верхней губы и в складках, идущих от носа вниз к углам губ. Невольно кажется, что этот человек только что нанюхался какой-нибудь страшной гадости, вроде асафетиды, и никак не может отвязаться от отвратительного запаха. Это выражение гневной брезгливости я видал, как привычное, у закоренелых кокаинистов и у тех сумасшедших, которые, страдая манией преследования, постоянно нюхают всякую еду, и питье, и все предметы домашнего обихода, подозревая в них скрытую отраву.

И я настолько долго вникал в этот портрет, что меня, наконец, охватил темный, первобытный, стихийный ужас. Видали ли вы когда-нибудь под микроскопом голову муравья, паука, клеща, блохи или москита, с их чудовищными жевательными, кровососными, колющими, пилящими и режущими, аппаратами? Почувствовали ли вы сверхъестественную, уродливую злобность, угадываемую в том хаосе, который можно назвать их «лицами»? А если вы это видели и почувствовали, то не приходила ли вам в голову дикая мысль: «А что если бы это ужасное и так чрезмерно вооруженное для кровопролития существо было ростом с человека и обладало в полной мере человеческим разумом и волею?» Если была у вас такая мысль, то вы поймете мой тогдашний ночной страх — тоскливый и жуткий.

Я безошибочно понял, что весь этот человек состоит исключительно из неутолимой злобы и что он всегда горит ничем не угасимой жаждой крови. Может быть, в нем есть и кое-какие другие душевные качества: властолюбие, гордость, сладострастие и еще что-нибудь — но все они захлестнуты, подавлены, потоплены клокочущей лавой органической, бешеной злобы.

«Таким человек не может родиться, — подумал я тогда. — Это какая-то тяжкая, глубокая, исключительная и неизлечимая

болезнь. Фотография, вообще, мало говорит. Но несомненно, что у живого Троцкого должна быть кожа на лице сухая, с темно-желтоватым оттенком, а белки глаз обволочены желтой желчной слизью».

Впоследствии, из показаний людей, видевших Троцкого часто и близко, я убедился в верности моих предположений. Я не ошибся также, угадав, что ему непременно должна быть свойственна нервная привычка — теревить и ковырять нос в те минуты, когда он теряет контроль над своей внешностью. Я узнал также и то, о чем раньше не догадывался: в детстве Троцкий был подвержен, хотя и в слабой степени, эпилептическим припадкам¹.

Среди всех народов, во все времена, существовало убеждение, что иногда отдельные люди, — правда, очень редкие, — заболели странной, гадкой и ужасной болезнью: подкожными паразитами, которые будто бы размножаясь в теле больного и прорывая себе внутренние ходы между его мясом и внешними покровами, причиняют ему вечный нестерпимый зуд, доводящий его до иступления, до бешенства. Молва всегда охотно приписывала эту омерзительную болезнь самым жестоким, самым прославленным за свою свирепость тиранам. Так, по преданию, ею страдали Дионисий Сиракузский, Нерон, Диоклетиан, Аттила, Филипп II, у нас — Иоанн Грозный, Шешковский, Аракчеев и Муравьев-Виленский. У Некрасова в одном из его последних полуфельетонных стихотворений мне помнится одна строчка, относящаяся к памяти близких ему по времени устрашителей:

Их заели подкожные вши².

Современная медицина знает эту болезнь по симптомам, но сомневается в ее причине. Она полагает, что иногда, изредка, бывают случаи такого крайнего раздражения нервных путей и их тончайших разветвлений, которое вызывает у больного во всем его теле непрерывное ощущение пламенного зуда, лишаящее его сна и аппетита и доводящее его до злобного человеконенавистничества. Что же касается до бессмертных деспотов, то тут интересен один вопрос: что за чем следовало — эта ли жгучая, мучительная болезнь влекла за собою безумие, кровопролитие, грандиозные поджоги и яростное надругательство над человечеством, или, наоборот, все безграничные возможности человеческой власти, использованные жадно и нетерпеливо, довели организм вен-

чанных и случайных владык до крайнего возбуждения и расстройства, до кровавой скуки, до неистовствующей импотенции, до кошмарной изобретательности в упоении своим господством?

Если не этой самой болезнью, то какой-то родственной ее формой, несомненно, одержим Троцкий. Его лицо, его деятельность, его речи — утверждают это предположение.

Слепой случай вышвырнул его на самый верх того мутно-грязного, кровавого девятого вала, который перекатывается сейчас через Россию, дробя в щепы ее громоздкое строение. Не будь этого — Троцкий прошел бы свое земное поприще незаметной, но, конечно, очень неприятной для окружающих тенью: был бы он придиричивым и грубым фармацевтом в захолустной аптеке, вечной причиной раздоров, всегда воспаленной язвой в политической партии, прескверным семьянином, учитывающим в копейках жену.

Говоря откровенно, до нынешних дней ему ничего не удавалось.

В революции 1905–1906 годов он принимал самое незначительное участие³. Рабочие тогда еще чуждались интеллигентов и их непонятных слов. Гапон⁴ был на несколько минут любимцем и настоящим вождем. К осторожным, умным и добрым советам Горького прислушивались благодаря его громадной популярности. Кое-какое значение имел Рутенберг⁵. Остальных молодых людей в очках стаскивали за фалды с эстрад и выпроваживали на улицу.

В заграничной, тогда еще подпольной работе Троцкий также не выдвигался вперед. Он отличался неустойчивостью мнений и всегда вилял между партиями и направлениями. В полемических статьях того времени Ленин откровенно называет его лакеем и человеком небрезгливым в средствах. Служил ли он тайно в охранке? Этот слух прошел сравнительно недавно. Я не то что не верю ему (бесспорно, могло быть и так), но просто не придаю этому никакого значения. Ложь, предательство, убийство, клевета — все это слишком мелкие, третьестепенные черты в общем, главном характере этого замечательного человека. Просто: подступил ему к горлу очередной комок желчи и крови, но не было под рукой возможности изbleвать его устно, печатно или действительно — вот Троцкий и пошел для облегчения души к Рачковскому⁶. Да ведь этому обвинению — будь оно даже справедливо — никто из его товарищей не придаст никакого значения. Мало ли что человек революционной идеи может и обязан сделать ради партийных целей? И время ли теперь копать в дрязгах допотопного прошлого?

Но Судьбе было угодно на несколько секунд выпустить из своих рук те сложные нити, которые управляли мыслями и делами человечества, — и вот — уродливое ничтожество Троцкий наступил ногой на голову распростертой великой страны.

Случилось так, что большевистская революция нашла себе в лице Троцкого самого яркого выразителя. В то же время она явилась для разрушительных способностей Троцкого той питательной средой, тем бульоном из травы агар-агар, в которой бактериологи помещают зловредные микробы, чтобы получить из них самую обильную разводку. Таким образом, фигурка, едва видимая невооруженным глазом, приняла исполинские, устрашающие размеры.

Влияние Троцкого на советские массы не только громадно, но и чрезвычайно легко объяснимо. Вся страна находится теперь в руках людей, из которых малая часть искренно смешала власть с произволом, твердость с жестокостью, революционный долг с истязательством и расстрелами, между тем как темная толпа нашла неограниченный простор для удовлетворения своих звериных необузданных инстинктов. В их глазах Троцкий — не только наглядное оправдание, высокий пример, точка опоры — о, гораздо больше! — он герой и властелин их воображения, полубог, мрачный и кровавый идол, требующий жертв и поклонения.

Его появление на трибуне встречается восторженным ревом. Каждая эффектная фраза вызывает ураган, сотрясающий окна. По окончании митингов его выносят на руках. Женщины — всегдашние рабыни людей эстрады — окружают его истерической влюбленностью, тем самым сумасбродным обожанием, которое заставляет половых психопатов Парижа в дни, предшествующие громким казням, заваливать письменными любовными признаниями как знаменитого преступника, так и *monsieur* Дейблера, носящего громкий титул — *Maitre de Paris*⁷.

Я не шутя говорю, что не было бы ничего удивительного в том, если бы в один прекрасный день Троцкий провозгласил себя неограниченным диктатором, а может быть, и монархом великой страны всяких возможностей. Еще менее удивил бы меня временный успех этой затеи.

Рассказывают, что однажды к Троцкому явилась еврейская делегация, состоявшая из самых древних, почтенных и мудрых старцев. Они красноречиво, как умеют только очень умные евреи,

убеждали его свернуть с пути крови и насилия, доказывая цифрами и словами, что избранный народ более всего страдает от политики террора. Троцкий нетерпеливо выслушал их, но ответ его был столь же короток, как и сух:

— Вы обратились не по адресу. Частный еврейский вопрос совершенно меня не интересует. Я не еврей, а интернационалист⁸.

И однако он сам глубоко ошибся, отрекшись от еврейства. Он более еврей, чем глубокоочтимый и прославленный цадик из Шполы⁹. Скажу резко: в силу таинственного закона атавизма характер его заключает в себе настоящие библейские черты. Если верить в переселение душ, то можно поверить в то, что его душа носила телесную оболочку несколько тысячелетий тому назад, в страшные времена Сеннахерима, Навуходоносора или Сурбанапала¹⁰.

Обратите внимание на его приказы и речи. «Испепелить...», «Разрушить до основания и разбросать камни...», «Предать смерти до третьего поколения...», «Залить кровью и свинцом...», «Обескровить...», «Додушить...».

В молниеносных кровавых расправах он являет лик истинного восточного деспота. Когда под Москвой к нему явились выборные от его специального отряда матросов-телохранителей с каким-то заносчивым требованием, он собственноручно застрелил троих и тотчас же велел расстрелять всю сотню¹¹.

Отрывком из клинообразных надписей представляется мне приказание Троцкого о поимке одного его врага, притом врага более личного, чем политического: «Взять живым или мертвым, а для доказательства представить мне его голову. Исполнителю — сто пятьдесят тысяч рублей»¹².

Наконец, пламенная его энергия и железная настойчивость суть чисто еврейская народная черта. Нам, русским, пришлось недавно поневоле испытать все прелести паспортной системы, черты оседлости и права жительства. Еврей знал их еще в те времена, когда наши предки ходили на четвереньках. Выносливость, жизнеспособность и неутомимость помогли ему преодолеть не только эти стеснительные путы, но выйти живым из всяких пленений, гонений и массовых аутодафе, сохранив расовый облик, древнюю религию и национальный характер.

Троцкий не умен в обширном и глубоком смысле. Но ум у него цепкий, хваткий, находчивый, легко усваивающий, фаршированный пестрыми знаниями. Стоит только припомнить его изречения —

все они украдены без ссылки на источники. Словечко о гильотине, которая «укорачивает человека на голову», принадлежит одному из якобинцев. Потребовав 50000 буржуазных голов, Троцкий только прибавил два нуля к счету Марата¹³. Мимоходом он «усвояет» у Наполеона, Бисмарка, Мольтке и даже у Драгомирова¹⁴. Еще не выработав посадки на Красном Коне, он уже овладел техническими и бытовыми военными терминами.

Он не творец, а насильственный организатор организаторов. У него нет гения, но есть воля, посыл, постоянная пружинность.

У него темперамент меделяна, дрессированного на злобность. Когда такому псу прикажут «бери!» — он кидается на медведя и хватает его «по месту» за горло.

Так, отчасти, рассматривает Троцкого Ленин. Но пусть кремлевский владыка не забывает, что эта порода крайне мстительна и злопамятна. Бывали случаи, что меделян хватал «по месту» не медведя, а своего хозяина, наказавшего его накануне. А этот однажды уже огрызнулся.

Впрочем, и у Троцкого есть свой меделян.

